

Научная статья

УДК: 347.51; 342

DOI:10.17323/2072-8166.2023.2.190.212

Приостановление деятельности, создающей опасность причинения нового вреда: соотношение административного и гражданско-правового регулирувания

Евгения Михайловна Сенотрусова

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Россия 614990, Пермь, ул. Букирева, 15, evg-suranova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8292-1193>

Аннотация

Предметом исследования является комплексный институт приостановления деятельности в российском праве, а также регулируемые им общественные отношения и практика его применения. Рассматривается вопрос о соотношении положений п. 2 ст. 1065 Гражданского кодекса Российской Федерации, предусматривающих приостановление производственной деятельности, создающей опасность причинения нового (повторного) вреда, и ст. 3.12 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации, регламентирующих приостановление деятельности в качестве вида административного наказания. Целью исследования является изучение оснований применения санкции приостановления деятельности, предусмотренных гражданским законодательством и законодательством об административных правонарушениях, их соотношения и взаимодействия. В работе применены общенаучные методы обобщения, анализа, синтеза и сравнения, специальный юридический (формально-догматический) метод. Дан анализ научных трудов ряда российских ученых, посвященных вопросам соотношения мер ответственности и мер защиты в целом и положений ст. 1065 ГК и ст. 3.12 КоАП, в частности. Ввиду условности ряда доктринальных критериев соотношения исследуемых социально-правовых явлений предпринята попытка сконструировать в российском праве комплексный институт приостановления де-

тельности с выделением различных по сущности, назначению и превалирующей функции правовых оснований его применения. Дана краткая характеристика названного института, оснований и условий его применения, процедур реализации. Особое внимание автором уделено проблеме частичного совпадения указанных в кодексах оснований применения санкции приостановления. Указанная проблема имеет место, если опасность причинения повторного (нового) вреда вызвана производственной деятельностью, а в поведении лица, ее осуществляющего, содержатся признаки состава административного правонарушения, за которое предусмотрено наказание в виде приостановления деятельности. В статье доказыва-ется возможность альтернативного или комбинированного применения указанных законодательных положений. Обосновывается необходимость разрешения освещенной проблемы на законодательном уровне.

Ключевые слова

приостановление производственной деятельности; причинение нового (повторного) вреда; гражданское право; административное право; опасность; меры государственного принуждения.

Благодарность: Статья опубликована в рамках проекта поддержки публикаций авторов российских образовательных и научных организаций в научных изданиях НИУ ВШЭ.

Для цитирования: Сенотрусова Е.М. Приостановление деятельности, создающей опасность причинения нового вреда: соотношение административного и гражданско-правового регулирования // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 16. № 2. С. 190–212. DOI: 10.17323/2072-8166.2023.2.190.212.

Research article

Suspension of Activities Creating Risk of Causing New Harm: the Ratio of Administrative and Civil Law Regulation

Evgeniya M. Senotrusova

Perm State National Research University, 15 Bukiryova Str., Perm 614990, Russia, evgsuranova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8292-1193>

Abstract

The question of the relationship between the provisions of paragraph 2 of Article 1065 of the Civil Code providing for suspension of production activities that create a risk of causing new (repeated) harm, and Article 3.12 of the Administrative Code regulating the suspension of activities as a type of administrative punishment. The subject of the study is the complex institute of suspension of activity in Russian law, as well as the public relations regulated by it and the practice of its enforcement. The purpose of the study is

to explore grounds for suspending activities provided for by civil legislation and legislation on administrative offenses, their correlation and interaction. The general method of historical materialism, general scholar methods of generalization, analysis, synthesis and comparison, and a special legal method were used to conduct the research. The article presents an analysis of the works of researchers concerning the correlation of liability and protection measures in general and the provisions of Article 1065 of the Civil Code and Article 3.12 of the Administrative Code in particular. Taking into account the conditionality of a number of criteria proposed in the doctrine for the correlation of the studied socio-legal phenomena, an attempt has been made to construct a complex institution of suspension of activity in Russian law with the allocation of different in nature, purpose and prevailing function of the legal grounds for its application. A brief description of the named institute, the grounds and conditions for its application, and the procedures for its implementation are given. Particular attention is devoted by author to the question of partial coincidence of the grounds for the application of the suspension sanction specified in codes mentioned. The problem occurs if the danger of causing repeated (new) harm is caused by industrial activity, and the behavior of the person performing it contains signs of an administrative offense, for that a penalty in the form of suspension of activity is provided. The possibility of alternative or combined application of these legislative provisions is substantiated. The necessity of resolving the highlighted issue at the legislative level is substantiated.

Keywords

prevention of harm; suspension of activity; administrative suspension of activity; administrative punishment; danger; measures of state coercion.

Acknowledgements: The article is published within the project of supporting publications of Russian educational and research organizations in the HSE academic publications.

For citation: Senotrusova E.M. (2023) Suspension of Activities Creating Risk of Causing New Harm: the Ratio of Administrative and Civil Law Regulation. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 16, no. 2, pp. 190–212 (in Russ.) DOI:10.17323/2072-8166.2023.2.190.212.

Введение

Нормативно-правовые предписания о предупреждении причинения вреда и об административном приостановлении деятельности, появившиеся в российском законодательстве еще в 1996 и 2005 годах соответственно, до настоящего времени относятся к наименее разработанным как с точки зрения качества юридической техники, так и с точки зрения доктрины. Отдельного освещения требует проблема соотношения положений п. 2 ст. 1065 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК), предусматривающих приостановление угрожающей вредом производственной деятельности, и ст. 3.12 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее — КоАП). Данный

вопрос довольно редко становится предметом дискуссий, а единого подхода к его решению в доктрине не выработано. Нет единой позиции на этот счет и в правоприменительной практике — одни суды заявляют о самостоятельности частноправовой и административной санкций приостановления деятельности, другие — об их соподчиненности и необходимости последовательного применения.

Вероятно, данная проблематика, связанная с применением значительных с точки зрения давления на бизнес государственных мер принуждения, требует доктринального осмысления. Это может способствовать в дальнейшем ее адекватному разрешению на правоприменительном и законодательном уровнях. Изложенное приобретает еще большую актуальность в свете, в частности, коронавирусной инфекции и мер борьбы с ее распространением, введения санкций, уязвимости виртуальных средств накопления и расчетов, роста безработицы и др.

Для освещения поставленного вопроса в данной работе предпринята попытка сконструировать в российском праве комплексный институт приостановления деятельности с выделением различных по своей сущности и назначению правовых оснований его применения. В ходе исследования применялись общенаучные методы обобщения, анализа, синтеза и сравнения, а также специальный юридический (формально-догматический) метод.

1. Соотношение приостановления деятельности в порядке ст. 1065 ГК и ст. 3.12 КоАП в доктрине права

Большинство цивилистов, отмечая схожесть положений названных статей, воздерживается от их полноценного, методологически обоснованного сопоставления либо ограничивается сравнением запрета деятельности (п. 1 ст. 1065 ГК) и ее приостановления как вида административного наказания. Впрочем, в доктрине предпринимаются некоторые, порой успешные, попытки разграничить исследуемые социально-правовые феномены. По мнению В.В. Сосновского, ключевое различие между мерами, предусмотренными названными статьями, заключается в их правовой природе — если административное приостановление деятельности представляет собой санкцию, то приостановление деятельности в частноправовом порядке является мерой защиты гражданских прав [Сосновский В.В., 2011: 256].

Схожая позиция выражена А.В. Климовичем [Климович А.В., 2016: 79], В.В. Нырковым и Э.И. Хакимовым. Последние в качестве критериев разграничения называют не только правовую природу исследуемых мер

государственного принуждения, но и вытекающие из данного обстоятельства социально-правовые функции таких мер и основания их применения. Если в частном праве санкция приостановления носит исключительно защитный и организационно-обеспечительный характер, то аналогичная санкция в административном праве имеет санкционный, штрафной характер [Нырков В.В., Хакимов Э.И., 2018: 36]. Кроме того, приостановление деятельности в порядке ст. 3.12 КоАП применяется исключительно за совершение правонарушения, что не свойственно мере, предусмотренной ст. 1065 ГК [Хакимов Э.И., 2020: 157].

Изложенный подход содержит рациональное зерно, однако он не может быть признан безусловно верным в связи с тем, что сам вопрос о понятии и сущности мер ответственности и защиты в общей теории права и цивилистике относится к числу наиболее дискуссионных. Критерии разграничения этих правовых явлений, выработанные доктриной и практикой, зачастую условны и не могут быть одинаково применены ко всем мерам государственного принуждения, имеют многочисленные исключения.

К примеру, в качестве одного из ключевых критериев дифференциации мер ответственности и защиты называют характер государственного принуждения, т.е. наличие или отсутствие неэквивалентного имущественного обременения [Кархалев Д.Н., 2003: 147]. Разная оценка названного критерия явилась, по существу, основанием выделения таких теорий юридической ответственности, как теория государственного принуждения и теория возложения неэквивалентных обязанностей. Если первая признает ответственностью любую меру, которой присуще принуждение со стороны государства, то вторая основана на штрафном аспекте юридической ответственности и рассматривает ее как возложение на должника дополнительных обязанностей или лишение его субъективных прав [Кузнецова О.А., 2017: 340]. Законодательно данный вопрос не решен, но в доктрине преобладает вторая позиция, указывающая на необходимость разграничения мер ответственности и иных мер государственного принуждения, не носящих правоограничительного характера.

Как отмечает Ю.В. Романец, «к родовым признакам гражданской ответственности относится ... наказание, заключающееся в применении к правонарушителю личных, организационных или имущественных лишений» [Романец Ю.В., 2012: 338]. О.А. Кузнецова полагает, что «правонарушитель несет ответственность только тогда, когда он претерпевает лишения в своей имущественной сфере» [Кузнецова О.А., 2011: 71]. В отличие от мер ответственности, всегда сопровождающихся возложением имущественного бремени на лицо, последствия реализации мер защиты не являются «...негативными или отрицательными, так как лицо несет

обычные «расходы» в силу эквивалентности товарно-денежных отношений» [Стоякин Г.Я., 1973: 82].

Д.Н. Кархалев указывает, что меры защиты по своему содержанию не являются неэквивалентным имущественным лишением и характеризуются отсутствием осуждения поведения обязанного лица. Применение мер защиты может сопровождаться нежелательным воздействием на нарушителя, но, в отличие от мер ответственности, они существенно не влияют на имущественное положение и результаты хозяйственной деятельности. Ответственность, по мнению профессора, всегда характеризуется возложением на лицо неблагоприятных имущественных лишений, наличием на стороне нарушителя дополнительных расходов. Автор заключает, что любые меры государственного принуждения, сопровождающиеся возложением неэквивалентного имущественного обременения или лишения субъективного права, следует относить к мерам ответственности [Кархалев Д.Н., 2003: 20, 83, 84, 154].

По мнению И.А. Кузьмина, «меры защиты, в отличие от мер юридической ответственности, обычно не создают для правонарушителей дополнительных негативных обязанностей» [Кузьмин И.А., 2019: 21]. Аналогичную позицию поддерживают Д.Н. Кархалев [Кархалев Д.Н., 2003: 147]; Д.А. Липинский и Н.В. Макарейко [Липинский Д.А., Макарейко Н.В., 2019: 80]; Г.Я. Стоякин [Стоякин Г.Я., 1973: 83]; А.М. Хужин [Хужин А.М., 2013: 378]; А.А. Лукьянцев [Лукьянцев А.А., 2006: 48] и др. Не умаляя ценности работ названных авторов в русле развития общей теории права и цивилистики, отметим, что критерий характера государственного принуждения не может быть признан универсальным.

Во-первых, неблагоприятные последствия в частном праве могут носить не только имущественный, но и иной характер. Анализ теории возложения неэквивалентных обязанностей показывает, что среди ее сторонников отсутствует единая позиция относительно характера тех негативных, неэквивалентных или правоограничительных последствий, которые влечет за собой реализация мер юридической ответственности. Так, если одни авторы допускают наличие только негативных последствий имущественного характера, то другие допускают наступление последствий и иного порядка. К примеру, А.А. Лукьянцев пишет о лично-имущественных последствиях правонарушения, которые могут приводить к ограничению правового статуса участников оборота или к его лишению в полном объеме [Лукьянцев А.А., 2006: 58].

Во-вторых, возложение на лицо имущественных расходов или иных неблагоприятных имущественных последствий не всегда свидетельствует о природе соответствующей меры принуждения как меры ответственности [Малеина М.Н., 2012: 20]. Как показывает анализ положений

действующего гражданского законодательства, многие принудительные меры, даже применяемые к лицу в связи с его правомерными действиями, влекут весьма существенные негативные имущественные, организационные либо иные последствия. Например, по ст. 1067 ГК вред, причиненный в состоянии крайней необходимости, должен быть возмещен лицом, его причинившим. Принимая во внимание межотраслевой характер института крайней необходимости и положения ст. 39 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК), следует признать, что причинение вреда в состоянии крайней необходимости (если при этом не было допущено превышения ее пределов) не может быть признано правонарушением ввиду отсутствия противоправности и вины. С учетом изложенного возмещение вреда в порядке ст. 1067 ГК нельзя признать мерой ответственности. Вместе с тем ее обременительный характер очевиден — он заключается в имущественных затратах, которое лицо вынуждено нести.

Конституционный Суд Российской Федерации также сформулировал подобную позицию применительно к уголовно-процессуальным мерам принуждения, которая, однако, может быть распространена на частноправовую сферу регулирования. Так, высший орган конституционного контроля указал, что «мера пресечения, в том числе в виде заключения под стражу, не будучи мерой ответственности в уголовно-правовом смысле, относится к мерам уголовно-процессуального принуждения, имеющим собственные легитимные основания, наличие которых придает необходимую правомерность существенным правоограничениям, налагаемым на лицо»¹.

Более того, применительно к разграничению п. 2 ст. 1065 ГК и ст. 3.12 КоАП следует отметить, что предусмотренные указанными нормами санкции совпадают, т.е. по сути, один и тот же правовой результат в виде приостановления деятельности, пусть и отличающийся по некоторым процессуальным критериям, авторы относят к разным мерам государственного воздействия. Это вызывает обоснованные сомнения. Применение и п. 2 ст. 1065 ГК, и ст. 3.12 КоАП способно оказать существенное неблагоприятное воздействие на финансовую и репутационную сферу лица (срыв заключенных договоров, потеря возможности реализации приобретенной продукции и, как следствие, упущенная выгода и т.п.).

Безусловно, как отмечал Г. Харт в известной работе «Понятие права», «наказание за преступление в виде штрафа — это не то же самое, что

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ефимова Александра Евгеньевича на нарушение его конституционных прав ст. 109 УПК РФ: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 14.01.2020 № 6-О // СПС КонсультантПлюс.

налог на определенную деятельность, хотя оба вида включают указания должностным лицам по взысканию той же суммы денег. Эти идеи различаются тем, что первая включает, а вторая — не включает правонарушение либо неисполнение обязанности в форме нарушения правила, предписывающего определенное поведение обычным гражданам...», однако это «ясное различие может при определенных обстоятельствах размываться. Налоги могут взиматься не только с целью увеличения государственных доходов, но и для ограничения налогооблагаемой деятельности, хотя в законе и не говорится в явном виде... И наоборот, штрафы, которые взыскиваются за уголовные преступления ... возможно, воспринимаются как «всего лишь налоги»» [Харт Г., 2007: 47].

Таким образом, наличие или отсутствие неэквивалентного имущественного обременения или иных существенных правоограничений само по себе не может быть признано критерием дифференциации мер ответственности и мер защиты и, соответственно, мер, предусмотренных п. 2 ст. 1065 ГК и ст. 3.12 КоАП.

Еще одним распространенным критерием дифференциации мер ответственности и защиты является их функционально-целевая направленность. Согласно превалирующей позиции, меры защиты всегда преследуют правосстановительную цель, в то время как юридическая ответственность преследует также карательные цели. Г.Я. Стоякин утверждал, что «меры ответственности выполняют компенсационную, воспитательную (осуждение), обеспечительную, пресекательную и штрафную (лишение имущества) функции, а меры защиты только восстановительную, пресекательную и обеспечительную». Применение мер ответственности должно приводить не только к заглаживанию вреда и восстановлению права, но и к наказанию виновного [Стоякин Г.Я., 1973: 14, 70]. Как отмечает О.А. Кузнецова, если юридическая ответственность выполняет карательную, превентивную, восстановительную и воспитательную функции, то иные санкционные меры выполняют, как правило, только восстановительную [Кузнецова О.А., 2017: 14].

Нельзя не признать ценности изложенного подхода, однако следует отметить и его недостатки. Функции и цели, признаваемые за правовыми явлениями, являются собой правовой идеал, теоретико-методологическую конструкцию. То, как действительно эта конструкция будет реализована и будет ли она реализована вообще, зависит от многих обстоятельств как объективного, так и субъективного порядка. Так, выполнение той или иной мерой воспитательной функции, заключающейся в «целенаправленном воздействии на субъективные установки правонарушителя», во многом зависит от того, как лицо, к которому такая мера применяется, воспринимает процесс ее применения и результаты, принимает ли

оно во внимание позицию государства в лице его органов, от возраста лица, его личностных установок и других факторов.

Более объективным характером обладают такие цели (функции), как штрафная (карательная), а также восстановительная или компенсационная, которая представляет собой восстановление «тех имущественных потерь, которые лицо понесло в результате совершения правонарушения» [Кархалев Д.Н., 2003: 27–28], результат применения санкции в виде улучшения положения иных лиц.

Однако даже принимая во внимание наличие таких имеющих объективный характер целей (функций), зачастую разграничение мер ответственности и защиты невозможно. Например, восстановительная функция характерна и для мер ответственности (допустим, возмещение вреда, причиненного умышленным уничтожением имущества), и для мер защиты (возмещение вреда, причиненного здоровью потерпевшего, недееспособным лицом в порядке ч. 3 ст. 1076 ГК). В связи с этим уместно заметить, что с учетом общей направленности на восстановление положения потерпевшего лица и иных общих черт, в Англии и США разграничение мер защиты и юридической ответственности не проводится [Комаров А.С., 1991: 33].

Заслуживает внимания позиция О.Г. Ершова. По его мнению, между правоотношением по предупреждению причинения вреда при строительстве, регулируемым ст. 1065 ГК, и административным приостановлением деятельности имеется ряд отличий, заключающихся во «временных рамках; целях введения; субъектах, выступающих инициаторами введения запрета на строительство; основаниях введения запрета». Запрет, основанный на административных нормах, имеет временный характер и устанавливается по инициативе административного органа в целях предупреждения нового административного правонарушения. В свою очередь запрет, основанный на гражданско-правовых нормах, не имеет строго установленных временных рамок, устанавливается по инициативе как частных, так и публичных лиц, и имеет целью предупреждение гражданского правонарушения [Ершов О.Г., 2013: 130].

Изложенный подход имеет недостатки. К примеру, он не признает возможности обращения с требованием в порядке п. 2 ст. 1065 ГК компетентного административного или иного публичного органа, что, безусловно, противоречит положениям закона и судебной практике. Более того, не оспаривая срочность как признак санкции приостановления деятельности в целом, нельзя, на наш взгляд, говорить о безусловно временном характере административного приостановления деятельности безотносительно к устранению или неустранению виновным лицом допущенных нарушений. По ст. 3.12 КоАП приостановление деятельности

устанавливается на срок, указанный в санкции статьи Особенной части КоАП, и в любом случае не может превышать 90 суток.

Интересно следующее законодательное положение: по истечении срока, установленного в постановлении об административном приостановлении деятельности, должностное лицо, уполномоченное составлять протокол об административном правонарушении, проверяет устранение обстоятельств, послуживших основанием для назначения такого вида наказания. Если проверкой будет установлено, что названные обстоятельства не устранены, уполномоченным должностным лицом может быть составлен новый протокол об административном правонарушении, а также может быть применена такая мера обеспечения производства по делу, как временное приостановление деятельности (ст. 27.16, 32.12 КоАП). Иными словами, если допущенные лицом нарушения не устранены, а опасность не отпала, то деятельность возобновлена не будет; для такового вывода, на наш взгляд, имеются все необходимые предпосылки.

Рассмотрим еще один подход по вопросу соотношения приостановления деятельности, основанного на гражданско-правовых нормах, с одной стороны, и административно-правовых, с другой. И.В. Соломонис называет следующие различия между исследуемыми явлениями: основание применения; наличие или отсутствие ускоренного рассмотрения дел [Соломонис И.В., 2008]. Если первый признак обоснован, то второй — весьма сомнителен, он вытекает из сущности рассматриваемых мер, но не определяет ее.

2. Межотраслевой институт приостановления деятельности и основания его применения в российском праве

Ввиду условности ряда критериев соотношения приостановления деятельности, создающей опасность причинения вреда в будущем (п. 2 ст. 1065 ГК), и административного приостановления деятельности как вида административного наказания (ст. 3.12 КоАП) и одновременно признавая дискуссионность предлагаемого подхода, допустимо рассмотреть приостановление деятельности как комплексный институт.

Приостановлению в целом как единому комплексному правовому институту посвящены работы А.В. Бекина, определяющего приостановление как особое средство правового регулирования, связанное с временным прекращением реализации субъективных прав и юридических обязанностей, процессуальной деятельности, действия нормативных правовых актов, иных юридических средств, применяемое уполномоченным лицом до наступления установленных событий или явлений,

направленных на защиту интересов физических и юридических лиц, государства или различных социальных групп [Бекин А.В., 2016: 108]. Приостановление как родовое явление характеризуется такими признаками, как ограничивающий, гарантирующий и правозащитный характер, срочность, направленность на уменьшение объема возможностей и прав субъектов, снижение негативной активности, реализация с использованием юридических процедур и др. [Бекин А.В., 2017: 9].

О комплексности санкции приостановления упоминается и в публикациях Е.А. Антоновой [Антонова Е.А., 2011: 92], Т.В. Летуты [Летута Т.В., 2020]. Основываясь на теоретических наработках названных авторов, возможно выделить такую разновидность санкции приостановления, как приостановление деятельности. Основаниями ее применения могут выступать различные обстоятельства, изложенные в многочисленных кодифицированных актах и законах, в частности, в гражданском законодательстве, законодательстве об административных правонарушениях, об инвестиционной деятельности, о политических партиях, противодействии экстремизму, профсоюзах, о средствах массовой информации и др. Среди таких обстоятельств: нарушение политической партией Конституции России, федеральных конституционных законов и федеральных законов, не устраненное в течение срока, установленного Минюстом России в письменном предупреждении (ст. 39 Федерального закона от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях»²); противоречие деятельности профсоюза Конституции России, конституциям (уставам) субъектов федерации, федеральным законам (ст. 10 Федерального закона от 12.01.1996 № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности»³) и др. Указанная санкция может реализовываться в судебном либо внесудебном порядке.

Несмотря на трудности правоприменения и дискуссионные вопросы, в целом нормативно-правовое регулирование института приостановления деятельности следует, на наш взгляд, считать приемлемым — нормативными актами подробно урегулированы и закреплены основания, условия и процедуры его применения. К сожалению, сказанное нельзя в полной мере отнести к положениям ст. 3.12 КоАП и п. 2 ст. 1065 ГК. Трудности их толкования и реализации связаны прежде всего с частичным совпадением оснований их применения.

Так, основанием реализации санкции приостановления деятельности в порядке п. 2 ст. 1065 ГК является опасность причинения производственной деятельностью повторного (нового) вреда в будущем, т.е.

² СПС КонсультантПлюс.

³ СПС КонсультантПлюс.

возможность причинения имущественного, экологического либо иного вреда при наличии уже ранее причиненного (причиняемого). Как следует из п. 2 ст. 1065, обязательными условиями применения названной санкции выступают наличие уже причиненного вреда и производственный характер деятельности. В таком случае санкция подлежит реализации в судебном порядке посредством гражданского или арбитражного судопроизводства, носит ярко выраженный превентивный характер, направлена на пресечение уже совершаемого («продолжает причинять вред») или возможного («угрожает новым вредом») правонарушения. Штрафной (карательный) характер приостановления здесь, на наш взгляд, также имеется, однако его значение второстепенно.

В свою очередь, исходя из буквы ч. 1 ст. 3.12 КоАП, основаниями реализации санкции приостановления в порядке, предусмотренном законодательством об административных правонарушениях, являются угроза жизни или здоровью людей, возникновения эпидемии, эпизоотии, заражения (засорения) подкарантинных объектов карантинными объектами, наступления радиационной аварии или техногенной катастрофы, причинения существенного вреда состоянию или качеству окружающей среды либо совершение административного правонарушения в определенной области (в области оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, порядка управления, транспортной безопасности, охраны собственности и т.д.).

Законодательное выделение такого основания, как угроза причинения того или иного вреда, вызывает вопросы. Сама по себе угроза не является достаточным основанием применения ст. 3.12 КоАП, поскольку применение приостановления как вида наказания возможно только в случаях, предусмотренных статьями Особенной части КоАП. Угроза может иметь значение только для мотивировки решения судьи в части невозможности обеспечить достижение цели административного наказания менее строгим видом административного наказания. Такой вывод подтверждается и позициями высших судебных органов. Верховный Суд Российской Федерации указал, что наказание в виде административного приостановления деятельности индивидуального предпринимателя или юридического лица может быть назначено судьей районного суда лишь в случаях, предусмотренных статьями Особенной части КоАП, если менее строгий вид наказания не сможет обеспечить достижение цели административного наказания. Это должно быть мотивировано в постановлении по делу об административном правонарушении⁴.

⁴ О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2005 № 5 // СПС КонсультантПлюс.

Вопросы касаются и второго основания в виде совершения административного правонарушения. Если санкция статьи КоАП предусматривает, помимо административного приостановления деятельности, иной вид наказания, для назначения первого требуется мотивировка невозможности достижения целей административного наказания назначением более мягкой санкции. При этом анализ судебной практики дает основание говорить об отсутствии единого подхода к такой мотивировке.

Согласно первой позиции, назначение приостановления деятельности при наличии альтернативного вида наказания допускается лишь при отягчающих обстоятельствах, поименованных в ч. 1 ст. 4.3 КоАП. Так, арбитражный суд отказал в удовлетворении заявления органа государственного строительного надзора о замене административного наказания в виде штрафа в размере 500.000 руб. на приостановление деятельности строительной компании, допустившей ведение строительных работ объекта капитального строительства без соответствующего разрешения и не обеспечившей изолированность строительной площадки, ввиду отсутствия отягчающих обстоятельств⁵.

В соответствии со второй, более правильной, на наш взгляд, позицией, в качестве обстоятельств, обосновывающих невозможность назначения альтернативного, более мягкого вида наказания могут выступать не только прямо предусмотренные законом обстоятельства, отягчающие ответственность, но и иные обстоятельства (причинение вреда правонарушителем, создание непосредственной опасности причинения вреда жизни или здоровью граждан, угрозы аварий или несчастного случая)⁶. К примеру, не установлено обстоятельств для назначения наказания в виде приостановления деятельности в деле о привлечении коллекторской организации к ответственности по ч. 2 ст. 14.57 КоАП за нарушение требований законодательства о защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности. Назначая административный штраф в размере 250 000 руб. и отказывая в приостановлении деятельности, суды обосновали это отсутствием угрозы причинения вреда и иных доказательств того, что менее строгий вид наказания не сможет обеспечить достижение цели наказания⁷.

⁵ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 18.12.2017 № Ф04-4931/2017 по делу № А70-5691/2017 // СПС КонсультантПлюс.

⁶ Справка по результатам обобщения практики применения судьями административного наказания в виде приостановления деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей по делам об административных правонарушениях, рассмотренных в 2021 году и за 6 месяцев 2022 года // СПС КонсультантПлюс.

⁷ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 08.09.2020 № Ф05-12580/2020 по делу № А40-330422/2019// СПС КонсультантПлюс.

Интересно и то, что, если по закону приостановление рассматривается как наиболее строгий вид наказания, то *de facto* в некоторых случаях он оценивается нарушителями как санкция наиболее предпочтительная, лояльная по сравнению со штрафом (как правило, лица, привлекаемые к ответственности, ссылаются на трудное финансовое положение, невозможность своевременной уплаты крупного штрафа⁸ и т.п.).

Не обнаруживается единообразия и при изучении практики назначения административного наказания за одни и те же нарушения при схожих фактических обстоятельствах. Так, в одном случае за розничную продажу алкогольной продукции без лицензии и без сопроводительных документов, подтверждающих легальность производства и оборота продукции, суд назначил приостановление деятельности на срок 60 суток, в другом — штраф 1 500 000 руб. с уничтожением изъятой алкогольной продукции⁹.

Следовательно, основанием назначения административного наказания в виде приостановления деятельности является совершение административного правонарушения, ставящего в опасность жизнь или здоровье людей, создающего угрозу наступления иных негативных последствий, в случаях, прямо указанных в Особенной части КоАП¹⁰. Санкция приостановления подлежит реализации в судебном порядке посредством административного судопроизводства, в исключительных случаях — во внесудебном порядке, а именно, при совершении лицом правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 9.1 КоАП, наказание в виде приостановления назначается руководителем или заместителем Ростехнадзора или его территориальных органов. Санкция приостановления как вид административного наказания выполняет прежде всего карательную (штрафную) функцию; иные функции (предупредительная, превентивная) также наличествуют, однако имеют второстепенное значение.

Итак, законодательством об административных правонарушениях и гражданским законодательством установлены самостоятельные основания реализации санкции приостановления деятельности, имеющие

⁸ Справка по результатам обобщения практики ...

⁹ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 03.03.2022 № Ф01-7852/2021 по делу № А43-15804/2021 // СПС КонсультантПлюс; Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 22.12.2021 № Ф01-7352/2021 по делу № А43-20767/2021 // СПС КонсультантПлюс.

¹⁰ К проекту Федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и другие законодательные акты Российской Федерации, а также о признании утратившими силу некоторых положений законодательства Российской Федерации» № 71562-4: пояснительная записка: ред., внесенная в Государственную Думу Российской Федерации, текст по состоянию на 07.07.2004 // СПС КонсультантПлюс.

разные сущность, назначение и превалирующую (ключевую) функции. Однако в некоторых случаях указанные основания могут частично пересекаться или, как указывает Л.В. Кузнецова, «фактические основания их применения вполне могут быть одними и теми же» [Кузнецова Л.В., 2009]. Последнее связано с тем, что, как правило, создание опасности причинения вреда в будущем в контексте п. 2 ст. 1065 ГК связано с нарушением многочисленных требований, за которое предусмотрена административная ответственность. На наш взгляд, в таком случае данная санкция может быть реализована либо исключительно в порядке ст. 3.12 КоАП или п. 2 ст. 1065 ГК (альтернативное применение), либо речь может идти об их комбинированном применении.

Прежде чем перейти к вопросу о возможности альтернативного или комбинированного применения анализируемых статей ГК и КоАП, имеет смысл сделать замечание. В доктрине нередко указывается на необходимость последовательного применения п. 1 ст. 1065, предусматривающего запрещение угрожающей вредом деятельности, и ст. 3.12 КоАП. Так, по мнению М.В. Кратенко, применению п. 1 ст. 1065 должно предшествовать применение меры в виде административного приостановления деятельности ответчика [Кратенко М.В., 2020: 69]. Такую позицию поддерживают отдельные суды. К примеру, апелляционным определением Свердловского областного суда удовлетворены требования индивидуального предпринимателя об отмене ранее вынесенного решения суда о запрете его деятельности в порядке ст. 1065. Суд указал, что поскольку выявленные нарушения пожарной безопасности носили устранимый характер, то органам власти до предъявления требований в порядке ст. 1065 следовало решить вопрос о привлечении виновного лица к административной ответственности в виде приостановления деятельности. Поскольку лицу к таковой не привлекалось, применение ст. 1065 недопустимо¹¹. Впрочем, другие суды придерживаются иной позиции, полагая, что применение к лицу воздействия в виде административного приостановления деятельности «не препятствует обращению прокурора с иском о запрещении деятельности, создающей опасность причинения вреда в будущем, при наличии к тому оснований, предусмотренных законом»¹².

Не вступая в дискуссию, заметим, что аналогичный вопрос применительно к п. 2 ст. 1065 ГК и ст. 3.12 КоАП не ставится. Однако, на наш взгляд, он также является спорным, тем более в свете широко распространенной позиции контрольно-надзорных органов и судов о допус-

¹¹ Апелляционное определение Свердловского областного суда от 20.02.2019 по делу № 33-2544/2019 // СПС КонсультантПлюс.

¹² Апелляционное определение Хабаровского краевого суда от 13.01.2017 по делу № 33-9852/2016 // СПС КонсультантПлюс.

тимости расширительного толкования п. 2 ст. 1065, позволяющего применение санкции приостановления независимо от таких условий, как производственный характер деятельности и наличие причиненного ею вреда.

Итак, в каком порядке следует реализовывать санкцию приостановления деятельности, если имеет место создание в результате производственной деятельности, ранее уже причинявшей вред, опасности (угрозы) причинения вреда в будущем, а в поведении лица, ее осуществляющего, имеются признаки правонарушений, перечисленных в ст. 3.12? Скажем, в ходе деятельности мебельного предприятия в результате несоблюдения санитарно-эпидемиологических требований к сбору и накоплению отходов производства создается опасность причинения вреда окружающей среде. При этом установлено и подтверждается материалами дела, что ранее в процессе осуществления данной деятельности вред окружающей среде уже причинялся. С одной стороны, в подобной ситуации имеются все основания привлечения лица к административной ответственности по ч. 1 ст. 6.25 КоАП, с другой — какие-либо препятствия для обращения в суд в порядке ст. 1065 ГК отсутствуют.

Встает еще один вопрос — как надлежит поступить правоприменителю в случае, если лицо повторно допускает нарушение указанных выше требований, чем создает опасность причинения вреда окружающей среде? Следует ли рассмотреть в таком случае вопрос о его привлечении к ответственности по ч. 2 ст. 6.35 КоАП или заявить требование о приостановлении деятельности в порядке, предусмотренном гражданским законодательством? Более того, неясно, что делать, если срок повторного административного приостановления деятельности истек, а нарушения не устранены и, следовательно, опасность не отпала? Следует ли в последнем случае заново составлять протокол об административном правонарушении и применять при необходимости временное приостановление деятельности как меру обеспечения производства по делу¹³ или следует изменить порядок реализации санкции и выйти в суд с требованиями в порядке п. 1 ст. 1065 ГК?

Перечисленные и иные подобные вопросы, к сожалению, не находят ответа в действующем законодательстве. По существу, их разрешение отдано на откуп правоприменителю, который с учетом обстоятельств вправе выбрать порядок реализации санкции приостановления по своему усмотрению. В доктрине попытка его разрешения предпринята Л.В. Кузнецовой. По ее мнению, в случае возбуждения в отношении одного и того же

¹³ П. 2 ч. 5 ст. 32.12 КоАП РФ: «...должностным лицом ... может быть составлен новый протокол ... и могут быть применены меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении» (курсив мой. — Е.С.).

лица дела об административном правонарушении, предусматривающем административное приостановление деятельности, с одной стороны, и приостановления деятельности в частноправовом порядке, с другой, одно из таких дел должно быть приостановлено, поскольку выполнение «одного из указанных выше требований повлечет за собой невозможность удовлетворения другого, по крайней мере в течение установленного судом срока приостановления деятельности» [Кузнецова Л.В., 2009: 126]. По существу изложенные рекомендации адресованы только суду и не устанавливают ориентиров для иных правоприменительных органов, иницилирующих применение санкции приостановления посредством либо составления протокола об административном правонарушении, либо подачи иска в суд. Более того, неясно, какое именно из дел (возбужденное в порядке ст. 1065 ГК или ст. 3.12 КоАП) должен приостановить суд?

Изучение правоприменительной практики позволяет выделить два подхода к обозначенному вопросу: альтернативное применение, т.е. применение исключительно или ст. 3.12 КоАП, или ст. 1065 ГК (в том числе неоднократное); комбинированное применение названных норм (на первоначальном этапе при выявлении признаков правонарушения применяется ст. 3.12, в дальнейшем (при непринятии лицом мер к устранению нарушений и ликвидации опасности) — ст. 1065). Законодательно установленных правил (критериев) выбора того или иного подхода нет.

Такое положение нельзя признать надлежащим. Законодателю целесообразно исходить из необходимости бережного отношения к массиву нормативных норм, внесения изменений и дополнений в них только при объективной необходимости, системного анализа правовых положений нормативных актов, а также из необходимости исключения или корректировки институтов, дублирующих друг друга, помня, что «улучшение качества текстов и снижение времени на их понимание в целом работают на государство и общество, сокращая ненужные издержки» [Савельев Д.А., 2020: 51]. Поэтому вопрос о возможности альтернативного или комбинированного, последовательного применения предпочтительно решать на законодательном уровне. Иное может привести к нарушению принципа равенства участников оборота и их разумных ожиданий, когда при схожих фактических обстоятельствах порядок приостановления деятельности будет различаться.

Нельзя не упомянуть и о назревшей потребности совершенствования анализируемых законодательных положений, имеющих ряд серьезных недостатков. К примеру, как отмечает Ю.В. Шилов, остротой отличается вопрос «о нахождении баланса публичных и частных интересов в вопросе приостановления функционирования социально значимых объектов — медицинских учреждений, детских оздоровительных лагерей, об-

щежитий, образовательных и культурных центров» [Шилов Ю.В., 2020: 34]. Если положения ст. 1065, пусть в несовершенном виде, но тем не менее предусматривают возможность отказа в удовлетворении требований о приостановлении деятельности, то ст. 3.12 подобных положений не содержит. Проблема административного приостановления деятельности социально значимых объектов затрагивается только в ведомственных актах органов принудительного исполнения в части рекомендации размещения таких сведений в средствах массовой информации¹⁴.

Безусловно, органы исполнительной власти признают обозначенные и иные проблемы в сфере административной ответственности, делают попытки их разрешения. Одной из попыток, вызвавшей обсуждение в юридическом сообществе, является подготовленный Минюстом проект закона «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (далее — проект). В проекте предлагается, в частности, исключить из числа видов административных наказаний административное приостановление деятельности. Вместе с тем внимательное изучение его положений позволяет утверждать, что речь идет не о полном исключении данного института, а о смене его названия («смена вывесок»). Так, в ст. 3.2 проекта предлагается установить такой вид наказания, как административный запрет деятельности¹⁵. Как утверждают разработчики, подобное наименование такого вида наказания преследует цель обеспечить его соответствие сущности санкции, ее сетевому наполнению, что, впрочем, ввиду этимологического толкования запрета как полной остановки чего-либо, вызывает серьезные сомнения.

Кроме того, с целью снижения давления на бизнес предлагается сокращение предельно возможного срока назначения санкции с 90 до 30 суток¹⁶. Основанием назначения административного запрета должно явиться совершение грубых административных правонарушений, открытый перечень видов которых дан в ст. 2.2 проекта (административные правонарушения экстремистской, коррупционной направленности, в сфере оборота наркотических средств, оружия и т.д.), а также в случае совершения иных правонарушений, если запрет указан в санкции соответствующей статьи КоАП. Вряд ли предлагаемые изменения, по крайней мере в части реформирования исследуемого института, изменяют

¹⁴ Об организации работы по административному приостановлению деятельности должников: Письмо ФССП России от 26.12.2014 № 00011/14/81265-АП // СПС КонсультантПлюс.

¹⁵ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: проект федерального закона, текст по состоянию на 29.05.2020 // СПС КонсультантПлюс.

¹⁶ Пояснительная записка к проекту федерального закона «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС КонсультантПлюс.

сущности санкции приостановления деятельности и способствуют решению рассмотренных в настоящей статье проблем.

Положения ст. 1065 также имеют ряд существенных недостатков, однако пока каких-либо дошедших до сведения юридического сообщества попыток его реформирования не предпринималось вовсе.

Заключение

Ныне есть основания говорить о существовании комплексного института приостановления деятельности в российском праве. Санкция приостановления деятельности характеризуется ограничивающим характером, срочностью, направленностью на уменьшение прав и возможностей участников правоотношений, выполняет предупредительную (превентивную) и штрафную (карательную) функции, значение которых может различаться в зависимости от основания ее реализации. Основаниями применения данной санкции могут выступать различного рода обстоятельства, указанные в правовых актах. Приостановление деятельности может быть применено к лицу в судебном или внесудебном порядке.

Оценивая нормативно-правовое регулирование приостановления деятельности как приемлемое, нельзя не признать затрудненности разграничения оснований применения соответствующей санкции, предусмотренных ст. 3.12 КоАП и п. 2 ст. 1065 ГК, с связи с их частичным совпадением. Речь идет о ситуации, когда опасность (угроза) причинения вреда создана в результате производственной деятельности, ранее уже причинявшей вред, а в поведении лица, ее осуществляющего, имеются признаки состава административного правонарушения, за которое предусмотрено наказание в виде административного приостановления деятельности. Данный вопрос не имеет законодательного решения, правоприменитель вправе выбрать порядок реализации санкции по своему усмотрению. Возможным видится как альтернативное применение названных выше процедур, т.е. применение исключительно или ст. 3.12 (в том числе неоднократное), или ст. 1065, так и их комбинированная реализация. Указанный подход не является надлежащим, он приводит к нарушению равенства участников отношений, к несогласованности и разобщенности правоприменительной практики, в связи с чем требуется законодательное решение.

Список источников

1. Антонова Е.А. Правовая сущность предупреждения причинения вреда // Труды Института государства и права РАН. 2011. № 2. С. 89–100.

2. Бекин А.В. Приостановления как средство правового регулирования: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... к. ю. н. М., 2017. 24 с.
3. Бекин А.В. Тенденции развития института приостановлений в российском праве. Общество: политика, экономика, право. 2016. № 4. С. 108–110.
4. Ершов О.Г. О развитии цивилистической теории внедоговорных отношений по предупреждению причинения вреда при строительстве. Основы экономики, управления и права, 2013. № 2. С. 128–131.
5. Кархалев Д.Н. Соотношение мер защиты и ответственности в гражданском праве: дис. ... к. ю. н. Екатеринбург, 2003. 180 с.
6. Климович А.В. Обязательства по предупреждению причинения вреда в гражданском праве России // Сибирский юридический вестник. 2016. № 3. С. 75–80.
7. Комаров А.С. Ответственность в коммерческом обороте. М.: Юридическая литература, 1991. 208 с.
8. Кратенко М.В. Деятельность, угрожающая причинением вреда: запрет на основании п. 1 ст. 1065 ГК РФ или административное приостановление в порядке КоАП РФ? На примере споров, связанных с несоблюдением требований пожарной безопасности // Закон. 2020. N 3. С. 69–78.
9. Кузнецова Л.В. Иск о запрещении деятельности, создающей угрозу причинения вреда / Иски и судебные решения: сборник статей под ред. М.А. Рожковой. М.: Статут, 2009. С. 107–147.
10. Кузнецова О.А. Некоторые вопросы теории гражданско-правовой ответственности / Хозяйство, право и наука: вып. 5. Иркутск: БГУЭП, 2011. С. 70–81.
11. Кузнецова О.А. Ответственность за нарушение обязательств / Памятники российского права. Т. 30. Гражданские кодексы РСФСР / под. ред. Р.Л. Хачатурова, В.Д. Рузановой. М., 2017. С. 339–356.
12. Кузнецова О.А. Проблемы учения о гражданско-правовой ответственности // Lex Russica. 2017. № 5. С. 11–23.
13. Кузьмин И.А. Институт юридической ответственности и институт мер защиты: проблемы соотношения и взаимодействия // Право и практика. 2019. № 2. С. 16–25.
14. Летута Т.В., Мищенко Е.В. Предупреждение причинения вреда окружающей среде в региональной судебной практике // Экологическое право. 2020. № 5. С. 21–25.
15. Липинский Д.А., Макарейко Н.В. Соотношение юридической ответственности и мер защиты // Теория государства и права. 2019. № 4. С. 76–84.
16. Лукьянцев А.А. Ответственность при осуществлении предпринимательской деятельности в гражданском законодательстве России: теория и судебная практика: дис. ... д. ю. н. Ростов-на-Дону, 2006. 384 с.
17. Малеина М.Н. Обнародование решения суда о допущенном нарушении как способ защиты гражданских прав // Журнал российского права. 2012. № 2. С. 17–26.
18. Нырков В.В., Хакимов И.И. Санкция приостановления как особый вид наказания в российском праве: общетеоретический аспект // Правовая политика и правовая жизнь. 2018. N 4. С. 35–40.
19. Подкорытов Н.С. Приостановление и прекращение деятельности, создающей повышенную опасность, как санкции гражданско-правового института предупреждения причинения вреда // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. 2014. № 12. С. 64–66.

20. Романец Ю.В. Этические основы права и правоприменения. М.: Зерцало, М., 2012. 400 с.
21. Савельев Д.А. Исследование сложности предложений, составляющих тексты правовых актов органов власти Российской Федерации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 50–74.
22. Соломонис И.В. Административное приостановление деятельности как вид наказания и запрещение соответствующей деятельности в целях предупреждения вреда в будущем // Исполнительное право. 2008. № 2. С. 12–14.
23. Сосновский В.В. Требования об ограничении, приостановлении или прекращении деятельности лиц, осуществляемой с нарушением законодательства в области охраны окружающей среды // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2011. № 2. С. 253–259.
24. Стоякин Г.Я. Меры защиты в советском гражданском праве: дис. ... к. ю. н. Свердловск, 1973. 197 с.
25. Хахимов Э.И. Санкции приостановления в российском праве (общетеоретический аспект): дис. ... к. ю. н. Саратов, 2020. 186 с.
26. Харт Г. Понятие права. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. 302 с.
27. Хужин А.М. Невиновное поведение в праве (общетеоретический аспект): дис. ... д. ю. н. Нижний Новгород, 2013. 525 с.
28. Шилов Ю.В. Изменение парадигмы административного приостановления деятельности и временного запрета деятельности // Административное право и процесс. 2020. № 4. С. 32–35.

References

1. Antonova E.A. (2011) Legal essence of preventing harm. *Trudy Instituta gosudarstva i prava*=Works of the Institute of State and Law, no. 2, pp. 89–100 (in Russ.)
2. Bekin A.V. (2017) Suspensions as a means of legal regulation: theory and practice. Candidate of Juridical Sciences Summary. Moscow, 24 p. (in Russ.)
3. Bekin A.V. (2016) Trends in the development of suspension in Russian law. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*=Society: Politics, Economics, Law, no. 4. pp. 108–110 (in Russ.)
4. Ershov O.G. (2013) Development of the civil theory of non-contractual relations for the prevention of harm during construction. *Osnovy ekonomiki, upravleniya i prava*=Basics of Economy, Management and Law, no. 2, pp. 128–131 (in Russ.)
5. Hart G. (2007) *Concept of Rights*. Saint Petersburg: University Press, 302 p. (in Russ.)
6. Karkhalev D.N. (2003) Correlation of measures of protection and liability in civil law. Candidate of Juridical Sciences Thesis. Ekaterinburg, 180 p. (in Russ.)
7. Khakimov E.I. (2020) Suspension sanctions in Russian law (theoretical aspect). Candidate of Juridical Sciences Thesis. Saratov, 186 p. (in Russ.)
8. Khuzhin A.M. (2013) Innocent behavior in law (theoretical aspect). Doctor of Juridical Sciences Thesis. Nizhny Novgorod, 525 p. (in Russ.)
9. Klimovich A.V. (2016) Obligations to prevent harm in the civil law of Russia. *Sibirskiy juridicheskiy vestnik*=Siberian Legal Bulletin, no. 3, pp. 75–80 (in Russ.)
10. Komarov A.S. (1991) *Liability in commercial turnover*. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 208 p. (in Russ.)

11. Kratenko M.V. (2020) Activities threatening to cause harm: prohibition by the Civil Code or administrative suspension by Administrative Code? *Zakon=Law*, no. 3, pp. 69–78 (in Russ.)
12. Kuzmin I.A. (2019) Institute of liability and protection measures: correlation and interaction. *Pravo i praktika=Law and Practice*, no. 2, pp. 16–25 (in Russ.)
13. Kuznetsova L.V. (2009) The lawsuit on the prohibition of activities that pose a threat of harm. In: *Lawsuits and court decisions: a collection of articles*. Moscow: Statute, pp. 107–147 (in Russ.)
14. Kuznetsova O.A. (2011) Aspects of civil liability theory. In: *Economy, law and science: a collection of articles*. Irkutsk: Baikal University Press, pp. 70–81 (in Russ.)
15. Kuznetsova O.A. (2017) Responsibility for breach of obligations. In: *Monuments of Russian law: a manual*. R.L. Khachaturov, V.D. Ruzanova (eds.). Moscow: Prospect, pp. 339–356 (in Russ.)
16. Kuznetsova O.A. (2017) Issues of doctrine of civil liability. *Russkiy zakon=Lex Russica*, no. 5, pp. 11–23 (in Russ.)
17. Letuta T.V., Mishchenko E.V. (2020) Prevention of environmental harm in regional judicial practice. *Ekologicheskoye pravo=Environmental Law*, no. 5, pp. 21–25 (in Russ.)
18. Lipinsky D.A., Makareiko N.V. (2019) Correlation of legal responsibility and protection measures. *Teoriya gosudarstva i prava=Theory of State and Law*, no. 4, pp. 76–84 (in Russ.)
19. Lukyantsev A.A. (2006) Liability in the implementation of entrepreneurial activity in the civil legislation of Russia: theory and practice. Doctor of Juridical Sciences Thesis. Rostov-on-Don, 384 p. (in Russ.)
20. Maleina M.N. (2012) Publication of a court decision on a violation as a way to protect civil rights. *Zhurnal rossiyskogo prava=Journal of Russian Law*, no. 2, pp. 17–26 (in Russ.)
21. Nyrkov V.V., Khakimov I.I. (2018) Suspension sanction as a special type of punishment in Russian law: theoretical aspect. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn=Legal Policy and Legal Life*, no. 4, pp. 35–40 (in Russ.)
22. Podkorytov N.S. (2014) Suspension and termination of activities creating increased danger as sanctions of the civil law for the prevention of harm. *Zhurnal publikatsii aspirantov i doktorantov=Journal of Graduates and Doctoral Students*, no. 12, pp. 64–66 (in Russ.)
23. Romanets Yu. V. (2012) *Ethical foundations of law and law enforcement*. Moscow: Zertsalo-M, 400 p. (in Russ.)
24. Saveliev D.A. (2020) The study of the complexity of proposals that make up the texts of legal acts of the Russian Federation powers. *Pravo. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki=Law. Journal of the Higher School of Economics*, no. 1, pp. 50–74 (in Russ.)
25. Shilov Yu. V. (2020) Changing the paradigm of administrative suspension of activity and temporary prohibition of activity. *Administrativnoe pravo i protsess=Administrative Law and Process*, no. 4, pp. 32–35 (in Russ.)
26. Solomonis I.V. (2008) Administrative suspension of activity as a type of punishment and prohibition of relevant activities in order to prevent harm in the future. *Ispolnitelnoye pravo=Executive Law*, no. 2, pp. 12–14 (in Russ.)

27. Sosnovsky V.V. (2011) Requirements for the restriction, suspension or termination of the activities of persons carried out in violation of legislation in the field of environmental protection. *Trudy Instituta gosudarstva i prava*=Works of the Institute of State and Law, no. 2, pp. 253–259 (in Russ.)

28. Stoyakin G. Ya. (1973) Measures of protection in Soviet civil law. Candidate of Juridical Sciences Thesis. Sverdlovsk, 197 p. (in Russ.)

Информация об авторе:

Е.М. Сенотрусова — аспирантка.

Information about the author:

E.M. Senotrusova — Postgraduate Student.

Статья поступила в редакцию 23.01.2023; одобрена после рецензирования 06.02.2023; принята к публикации 28.04.2023.

The article was submitted to the editorial office 23.01.2023; approved after reviewing 06.02.2023; accepted for publication 28.04.2023.